

ЧУВСТВО ДОЛГА

Человек сказал Вселенной: – Я существую! – Однако, – сказала Вселенная, – этот факт не порождает во мне чувство долга.

Стивен Крейн

Глава 1

Пот покрыл тело Брайана, стекая в набедренную повязку – его единственную одежду. Легкая фехтовальная рапира в руке теперь казалась ему тяжелой, как свинцовый брусок. Его истощенные мускулы, в течении месяца испытывающие постоянное напряжение, начинали болеть. Однако все это было неважно. Порез на груди, все еще сочившийся кровью, боль в перенапряженных глазах, даже арена с тысячами зрителей – все это было несущественно. Лишь одно существо затмевало собой все во вселенной: острое сверкающей стали, постоянно угрожающее ему и отводящее его оружие. Он чувствовал дрожание этого острия, понимая, куда и когда оно двигается, и сам делал соответствующее движение. И когда оно атаковало, он всякий раз парировал его удар. Внезапное движение. Он мгновенно среагировал, но его лезвие встретило воздух. В следующий миг он почувствовал острый укол в грудь. Удар! Заполнивший весь мир голос проревел это слово сквозь миллионы громкоговорителей, и в ответ волной обрушились аплодисменты зрителей.

– ОДНА МИНУТА! – произнес тот же голос, и загудел отсчет

времени. Брайан немедленно расслабился. Минута – не очень большой срок, поэтому его тело должно использовать каждое мгновение. Мерное гудение счетчика заставило расслабиться каждый мускул тела. Лишь сердце и легкие по-прежнему в энергичном ритме. Он закрыл глаза и почувствовал, как его подхватили руки секундентов и отнесли к скамье. Пока они массировали его инертное тело и обмывали рану, Брайан перенес всё свое внимание внутрь. Он впал в полузабытье, скользя по грани сознания. Выплыло раздражающее воспоминание прошлой ночи, и он вновь и вновь проворачивал его в своем мозгу, рассматривая со всех сторон происшедшее. Это событие было абсолютной неожиданностью. Участники «Двадцатых» нуждались в полном покое, поэтому ночи в спальнях были спокойны и тихи как смерть. В течение первых нескольких дней это правило соблюдалось, конечно, не очень строго. Люди были слишком взвинчены и возбуждены для того, чтобы легко засыпать. Но по мере того, как состязания продолжались, и ряды участников редели, практически сразу после наступления темноты воцарялась полная тишина. Особенно в эту последнюю ночь, когда остались занятыми только две маленькие спальни, а тысячи остальных были пустыми и темными. Гневные слова вырвали Брайана из глубокого сна. Они произносились шепотом, но достаточно ясно

– за тонкой металлической дверью разговаривали двое. Кто-то назвал его имя.

– ...Брайан Бренд. Конечно, нет. Кто вам сказал? Он допустил большую ошибку, и у вас будут большие неприятности...

– Не будьте идиотом! – произнес другой, резкий привыкший отдавать команды. – Я здесь потому, что дело чрезвычайной важности, и Бренд – единственный человек, которого мне необходимо срочно видеть! Пустите!

– Двадцатые...

– К черту ваши проклятые игры! У меня важное дело, иначе ноги бы моей не было тут.

Второй ничего не ответил. Это, по-видимому, был дежурный, но Брайан чувствовал его возрастающий гнев. Он, очевидно, извлек пистолет, потому что второй быстро бросил:

– Уберите его. Не будьте дураком!

– Вон! – был единственный ответ.

Наступила тишина и, все еще удивленный, он вновь уснул.

– Десять секунд...

Голос смел воспоминания, и Брайан почувствовал, как в его тело возвращается напряженность. И в этот миг он с огорчением понял, что полностью истощен. Месяц постоянного физического и

умственного труда давали знать о себе. Трудно было стоять на ногах, но тем не менее сейчас было совершенно необходимо собрать в кулак все свои силы и мобилизовать свое искусство, чтобы выиграть удар.

– Какой счет? – тяжело переводя дыхание, спросил он у секунданта.

– 4-4. Все, что тебе нужно для победы – один удар.

– Но ведь и ему тоже необходимо это же, – прошептал Брайан, открывая глаза, чтобы взглянуть на жилистое тело человека на противоположном конце ковра.

Слабому противнику вообще невозможно добраться до финала «Двадцатых», а этот, Ирсли, был одним из сильнейших. Рыжеволосый гигант с совершенно неистощимым запасом сил и искусства. Итак, последний раунд фехтовального боя. Один удар – и ты Победитель... Брайан закрыл глаза и понял, что момент, которого он так надеялся избежать, наступил. Каждый участник «Двадцатых» располагал каким-то своим особым приемом. У него их было несколько, и до сих пор они ему помогали. Он был сравнительно сильным шахматистом, но всегда выигрывал благодаря использованию необычных ходов.., то было не просто случайностью, а результатом многолетней работы. У него были постоянные связи с торговыми

агентами на других планетах. Ему доставали старые книги – чем старее, тем лучше. Он изучил и запомнил тысячи этих старых шахматных партий. Это было разрешено. Было разрешено все, что не связано с наркотиками и механическими приспособлениями. Самогипноз считался также допустимым оружием. Брайану потребовалось более двух лет напряженной работы, чтобы нащупать источник скрытой силы организма. Хотя это явление и было неоднократно описано в книгах, повторить его казалось совершенно невозможно. Кроме того, такое напряжение сил организма могло привести к смертельной травме, как будто смерть и предельное напряжение неразрывно связаны. Берсеркеры продолжали сражаться несмотря на смертельные раны. Люди с пулями в сердце или в голове, уже в состоянии клинической смерти, продолжали сопротивляться. И сама смерть казалась неразрывно связанной с источником этой силы. Но был и другой тип использования скрытых сил организма – гипнотическая жестокость. Сила, которая заставляет человека в трансе держать тело прямо, без поддержки, за исключением двух точек – головы и ног. В сознании это физически невозможно. Работая в этом направлении, Брайан овладел самогипнозом, позволяющем черпать силу, которая и составляет различие между жизнью и смертью. Это тоже могло убить – истощить

тело до такой степени, что потом восстановление невозможно.

Работая в этом направлении, Брайан овладел самогипнозом. Смерть от истощения была вполне обычным явлением в таких случаях, в каком он сейчас находился. Участники «Двадцатых» умирали и раньше, а смерть в финале предпочтительнее поражения. Глубоко дыша, Брайан сосредоточенно произносил фразы самогипноза, приводившие в действие этот процесс. Усталость постепенно спадала, так же, как и чувство жары, холода и боли. Он видел и слышал с обостренной чувствительностью. С каждой секундой он черпал все новые и новые силы из резервуара своей жизни, совершенно истощая тело. Когда прозвучал гонг, он резко выхватил рапиру из рук секунданта и бросился вперед. Противник еле успел схватить оружие и отразить нападение. Сила его натиска была так велика, что защитные щитки рапир столкнулись, а их тела переплелись. Сначала Ирол был удивлен столь яростной атакой, потом он улыбнулся, видимо, решив, что это – последняя вспышка энергии, ведь сейчас они оба были близки к истощению. И когда их разъединили, он не стал пытаться атаковать, предоставляя Брайану возможность истощить свои последние силы перед своей непреодолимой защитой, и тем самым ускорить свой конец. Но Брайан не уставал. Наоборот, он еще более усилил натиск. На лице

противника улыбку сменило выражение ужаса, когда тот осознал свою ошибку. Теперь от Ирола исходила волна отчаяния. Брайан чувствовал ее и понял, что пятый удар за ним. Выпад. Еще выпад – и каждый раз парирующая его удары рапира двигается все медленнее и медленнее. Мощный удар, отводящий ее в сторону. Нырок под рапиру противника, и в следующий миг кончик рапиры Брайана касается груди Ирола в районе сердца. В следующее мгновение подобно горному обвалу Брайана оглушил шквал аплодисментов и криков приветствия, но Брайан лишь смутно ощутил его. Ирол выронил рапиру и старался пожать руку Брайану, но его ноги внезапно подогнулись. Брайан подхватил своего противника и потащил к бегущим секундантам. Ирол потерял сознание, а Брайан чувствовал себя так, словно он пробирается сквозь густой туман. Он стал медленно опускаться на колени. Нет, теперь он уже не опускается, а падает, едва осознавая, что для него наступил тот желанный миг, когда он может позволить себе упасть и потерять сознание.

Глава 2

Айджел дал докторам всего один день, после чего самолично явился в госпиталь. Брайан не умер, несмотря на то, что еще ночью его жизнь была под сомнением. Теперь же он был вне опасности, и это было все, что о нем хотел узнать Айджел. Он с рычанием прокладывал себе путь к палате нового Победителя, встретив наиболее ожесточенное сопротивление у самой двери.

– Вы не имеете права, мистер Айджел! – закричал доктор на него.

– И если вы будете рваться силой, мне придется разбить вам голову.

Айджел только начал объяснять доктору, насколько малы его шансы осуществить свое намерение, как Брайан прервал их обоих. Он узнал голос ночного гостя.

– Впустите его, доктор. Я очень хочу сейчас увидеть человека, считающего, что есть нечто более важное на свете, чем «Двадцатые».

Пока доктор стоял в нерешительности, Айджел быстро миновал его и захлопнул дверь прямо перед его носом. Он посмотрел на лежащего в постели Победителя. К рукам Брайана были прикреплены

капельницы. Глаза его смотрели из глубоких впадин, зрачки были окружены сетью красных жилок. Молчаливая борьба, которую он вел со смертью, оставила следы. Его квадратная выступающая челюсть теперь казалась костью, обтянутой кожей, так же, как и длинный нос, и выступающие скулы. Они резко очерчивали лицо, обтянутое сероватой кожей. Лишь ежик коротко стриженных волос оставался неизменным. Брайан был похож на человека, перенесшего длительную тяжелую болезнь.

– Вы выглядите, как уже много дней постившийся грешник, – заметил Айджел. – Поздравляю вас с победой.

– А вы вовсе не похожи на победителя, – парировал Брайан.

Но Айджел не обратил внимания на эти слова, вызванные утомлением и раздражением. Тем не менее, это было правдой, ибо Победитель Айджел мало походил на Победителя и даже на анварианта. Рост и фигура у него были в порядке, но, увы, все обросло жиром – круглые мягкие ткани покрывали тело и образовывали валики на шее и под глазами. На Анваре не бывает толстых людей, и было просто невероятно, что такой толстяк смог стать Победителем. Если под жиром у него и были мускулы, то их не было видно. Лишь глаза выдавали его огромную внутреннюю силу. Брайан отвел взгляд, так как понял, что оскорбил человека без всякой причины. Но он был

слишком слаб, чтобы извиняться. Вновь взглянув на Айджела, он почувствовал, что того в данный момент занимает нечто такое важное, что он сам, его уколы, даже «Двадцатые», не более интересны, чем пыль, плавающая в воздухе. Брайан знал, что таковы причуды большого ума, и постарался выбросить это из головы. Два человека глядели друг на друга, ощущая общее настроение. За Айджелом беззвучно открылась дверь, и он повернулся с грацией, доступной лишь спортсмену. В дверях показался доктор и два человека в мундирах. В следующий момент тело Айджела ударились о них, скорость и сила его толчка отбросила их в виде клубка тел, рук и ног, после чего Айджел снова закрыл дверь и защелкнул замок.

– Мне нужно поговорить с вами по секрету, – он наклонился и включил коммутатор.

– Ну давайте, если я только смогу.

– Лежите и слушайте. Думаю, у нас есть около пяти минут, потом они выломают дверь. Так что не будем больше терять времени. Вы отправитесь со мной на другую планету? Есть задание, которое нужно выполнить: это моя работа, но я нуждаюсь в помощи. Вы – единственный, кто мне может помочь. Теперь вы можете или отказаться, или согласиться, – добавил он прежде, чем Брайан

ответил.

– Конечно, я отказываюсь, – ответил он, и тут же почувствовал себя одураченным, как будто Айджел вложил эти слова ему в рот. – Анвар – моя планета, зачем же мне покидать ее? Здесь моя жизнь и моя работа. Ко всему прочему я должен еще добавить, что только что выиграл «Двадцатые». У меня есть определенные обязанности.

– Ерунда. Я тоже Победитель и тем не менее, я, как видишь, улетел. Я понимаю, что ты просто-напросто хочешь немного насладиться успехом, который тебе достался с таким трудом, ведь за пределами Анвара никто не знает, что значит Победитель. Конечно, уважения будет меньше. Вы сейчас стоите перед лицом огромной Вселенной, и я не осуждаю тебя за то, что ты слегка испуган.

В этот момент кто-то громко заколотил в дверь.

– У меня нет сил рассердиться, и я не могу восхищаться всякими идеалами, которые позволяют вам оскорблять человека, слишком слабого для защиты.

– Что ж, прошу прощения, – сказал Айджел без тени извинения в голосе. – Но ведь есть чувства, более важные, чем наши оскорбления. У нас очень мало времени, поэтому я попытаюсь вам сейчас объяснить только свою основную мысль.

– Насколько я понимаю, эта ваша мысль должна убедить меня покинуть с вами родную планету?

– Нет. У меня нет намерения сразу же убедить вас таким образом. Но вы должны внимательно обдумать то, что я скажу вам, и тогда, я надеюсь, многие ваши иллюзии рухнут. Подобно всем жителям Анвара вы верите в гуманизм, занимаетесь наукой и увлекаетесь «Двадцатыми». Вы принимаете этот образ жизни без тени сомнения. Вы ни разу не подумали о прошлом, о тех бессловесных миллиардах, которые жили ужасно, пока человечество медленно создавало те условия, в которых вы сейчас живете. Думали ли вы когда-нибудь обо всех этих людях, которые страдали и умирали в нищете и суеверии, пока цивилизация взбиралась вверх?

– Конечно, я не задумывался о них. Да и зачем? Я ведь все равно никак не смогу изменить прошлое.

– Зато вы можете изменить будущее! В этом состоит ваш священный долг перед страдавшими предками, которые подарили вам сегодняшний день. А если гуманизм для вас не просто слово, то и вы должны сознавать в себе чувство долга. Не хотите ли вы сейчас оплатить часть своего долга тем, кто сегодня страдает и живет в таких тяжелых условиях, как и наши далекие предки?

Стук в дверь стал громче. Этот факт, а также обилие лекарств,

которыми накормили Брайана, затруднили его мысли.

– Абстрактно, я, конечно, согласен с вами. Но вы же знаете, что

я ничего не могу сделать, пока не буду вовлечен эмоционально.

Логическое решение не имеет смысла, пока оно не подкреплено личностными взаимоотношениями.

– Тогда мы подошли к сути дела, – мягко сказал Айджел.

Он прижался спиной к двери, принимая на себя удары, наносимые по ней каким-то тяжелым предметом.

– Я должен торопиться. У меня, к сожалению, не остается времени на подробности, но я заверяю вас честным словом Победителя, что для вас лично это важнейшее дело. Только для вас. Если вы поможете мне, то мы спасем семь миллионов человеческих жизней.

Таковы факты.

Замок разлетелся, и дверь, наконец, начала срываться. Айджел, собрав все свои последние силы, навалился на нее и закрыл вновь.

– Вот вопрос, над которым я прошу вас подумать. Почему в галактике, полной войн и ненависти, полной страданий, люди на Анваре все свое существование строят в зависимости от сложной системы игр?

Глава 3

Больше держать дверь было невозможно, Айджел и не пытался. Он отступил в сторону, и в тот же миг в комнату ворвались два человека. Не сказав ни слова, Айджел спокойно вышел, пока они осматривались.

– Что случилось? Что он здесь делал? – спросил доктор, испуганно глядя на пациента.

Затем он беглым взглядом обвел датчики – все в норме. Пациент лежал спокойно. В течение оставшейся части дня у Брайана было о чем подумать. Это было очень трудно – осмыслить все, сказанное Айджелом. Усталость и действие лекарств смягчали его соприкосновение с действительностью. Мысли вяло шевелились в мозгу. Что же все-таки имел в виду Айджел? Что это за ерунда насчет Анвара? Анвар таков, поскольку он таков... И какая разница, стал он таким естественным путем или нет? У планеты очень простая история. С самого начала на ней не было ничего, что могло бы представлять коммерческий интерес. Она была в стороне от торговых путей, не было запасов полезных ископаемых, которые было бы выгодно разрабатывать и транспортировать на

огромные расстояния в другие населенные миры. Охота на зимних животных была выгодна, но недостаточна для открытого постоянного рынка. Поэтому долгое время вообще не делалось никаких попыток колонизировать эту планету. В конце концов она оказалась заселенной во многом случайно. Несколько научных групп организовали здесь обсерваторию и исследовательские станции для наблюдений за необычным анварским годом. Длительное пребывание в обсерватории заставило многих ученых перевезти на эту планету семьи, и население планеты медленно, но верно постепенно начало увеличиваться. К нему добавилось также некоторое число охотников на пушного зверя. Таким было ее начало. Об этих днях почти не сохранилось записей, а первые шесть веков анварской истории основаны скорее на домыслах, чем на фактах. Перерыв случился в конце этого периода, и в охватившем всю галактику разрушении Анвар начал обособленную борьбу за жизнь. Распад земной империи явился более чем концом периода. Обсерватория и наблюдательные станции обнаружили, что представляют более уже не существующие институты. У охотников более не было рынка сбыта. У Анвара больше не было собственных космических кораблей. Но лишения и разрушения Перерыва не затронули Анвар – планета сама способна была удовлетворить свои нужды. Когда люди планеты свыклись с

мыслью, что она теперь самостоятельный мир, а не собрание временных постояльцев с различным подданством, жизнь пошла незаметно. Она была нелегкой – жить на Анваре всегда было тяжело – но без различий на поверхности. Мысли и привычки людей, однако, претерпевали значительную трансформацию. Было сделано много попыток установить стабильную структуру общества и стабильные общественные отношения. И опять же, к сожалению, сохранилось очень мало записей об этом периоде. Известно, лишь, что кульминацией этих поисков стали «Двадцатые». Чтобы понять, что такое «Двадцатые», нужно знать необычную орбиту Анвара вокруг Солнца. В системе были также и другие планеты, и их орбиты расположены, можно сказать, в плоскости эклиптики. Анвар же, очевидно, планета-бродяга, а возможно она была когда-то захвачена у другой звезды. Большую часть своего семисотвосемидесятидневного года она находится далеко от звезды и летит по вытянутой орбите кометного типа. Когда она приближается к Солнцу, долгую зиму сменяет короткое жаркое лето, длительностью около восьмидесяти дней. Эта резкая смена времен года вызвала адаптацию местных форм жизни. Зимой большая часть животных проводит в спячке, растительные виды зимуют в виде спор и семян. Некоторые теплокровные травоядные остаются активными в

покрытых снегом тропиках и составляют добычу для защищенных от холодов местных хищников. Но, несмотря на ужасный холод, зима – это сезон мира по сравнению с летом. Лето – это время бешеного роста. Растения пробуждаются к жизни с силой, которая разрушает скалы. Они растут настолько быстро, что их рост заметен на глаз. Снежный покров тает, и поля за день превращаются в джунгли. Все растет, цветет и активно размножается. Растения карабкаются друг на друга, сражаются за жизненную энергию солнца. В этот короткий сезон каждый ест и каждого едят. Ибо когда выпадает первый снег, наступает зима, занимающая девять десятых года. Чтобы выжить, люди тоже должны были приспособиться к анварскому циклу. Нужно было готовить большие запасы пищи на долгую зиму. Поколение за поколением адаптировалось, пока эта безумная смена времен года не перестала им казаться чем-то сверхъестественным. Первая оттепель почти не существующей весны вызывала глубокие изменения метаболизма человека. Исчезали слои подкожного жира и пробуждались к жизни потовые железы. Остальные изменения были менее заметны, чем температурные приспособления, но тоже очень важны. Видоизменялся центр сна в мозгу. Теперь становилось достаточно проспать короткий промежуток времени за трое-четверо суток. Жизнь требовала лихорадочного темпа, чтобы можно было

существовать в такой окружающей обстановке. Ко времени наступления первых морозов быстрорастущие хлеба уже собирались и мясо законсервировано в специальных хранилищах. Огромная адаптационная способность сделала человека частью местной экологии и тем самым гарантировала долгую жизнь. Физическое выживание было гарантировано. Но как насчет умственного? Прimitивные эскимосы на Земле имели возможность впадать в полубессознательное состояние, почти в спячку... Может быть цивилизованный человек и способен на это, но лишь на короткое время земной зимы. Проводить так зиму, которая намного длиннее земного года, невозможно. Когда удовлетворены физические нужды, главным врагом каждого анварца становится скука. Исключение составляют лишь охотники, но даже и они не могут заниматься своим делом всю зиму. Одни нашли выход из такого положения в пьянстве, другие – в ярости. Алкоголизм и убийства – двойной ужас зимних сезонов, возникший после Перерыва. Конец этому был положен «Двадцатыми». Когда они прочно вошли в жизнь, лето стало восприниматься лишь как перерыв между играми. «Двадцатые» были не просто соревнованиями – они стали образом жизни, который удовлетворял всем формам физической и умственной соревновательной потребности планеты. Это было десятиборье,

поднятое на высший уровень, где соревнования по шахматам и поэтической композиции занимали равное место и время с такими видами спорта, как прыжки с трамплина и стрельбе из лука. Каждый год устраивались два всепланетных розыгрыша: один – среди мужчин, другой – среди женщин. Это не могло быть дискриминацией, а просто отражало реальные факты. Половые различия мешают справедливому соревнованию, например, женщина не может выиграть большой шахматный турнир, и это обстоятельство было осознано и учтено. В соревнованиях мог принимать участие любой. Никаких преимуществ и ограничений. Когда выигрывал лучший, он был действительно лучшим. Сложная серия соревнований и розыгрышей держала всех в постоянном напряжении всю зиму. Но все это было лишь вступлением к финальной части соревнований, которая занимала месяц, и где выявлялся единственный победитель. Победивший в финале получал титул Победителя. Этим титулом можно было гордиться. Брайан повернулся в кровати и посмотрел в окно. Он – Победитель Анвара. Теперь его имя попадет в книги по Истории, он станет одним из героев планеты. Теперь школьники будут учить о нем, как когда-то учил он сам о Победителях прошлого. Они будут мечтать о такой же победе, готовясь к ней ежедневно. Быть Победителем – величайшая честь для жителя

Анвар! Снаружи полуденное солнце слабо светило в небе.

Бесконечные ледяные поля поглощали лунный свет, возвращая его холодным и резким отражением. Только одна фигура перемещалась на лыжах, все остальное было неподвижно. Бесконечная усталость обрушилась на Брайана, и тут же все изменилось, словно он посмотрел в зеркало с обратной стороны. Неожиданно он с ужасной ясностью понял, что быть Победителем не значит равным счетом ничего... Это все равно, что быть лучшей блохой среди остальных блох, ползающих по одному пню. Что же все-таки такое Анвар?

Закованная в лед планета, населенная несколькими миллионами человеческих блох, неизвестная в остальных частях Галактики.

Здесь было равным счетом не за что бороться. Войны, последовавшие за Перерывом, не затронули ее. Анварцы всегда гордились этим, как будто то, что никто не обращает на вас внимание, может быть источником гордости. Остальные человеческие миры росли, боролись, побеждали, терпели поражение, менялись.

Лишь Анвар вел неизменную жизнь, повторяющуюся с неизменностью заезженной пластинки. Глаза Брайана увлажнились, он заморгал.

Слезы... Сознание этого невероятного факта изгнало сентиментальность из его мозга и сменило ее страхом. Неужели его мозг все-таки повредился от напряжений последней схватки? Это не

его мысли. Жалость к самому себе никогда бы не смогла сделать его победителем – так почему же он испытывает ее теперь? Анвар – его вселенная, как он может так думать о ней? Что случилось с ним, что внушило ему эти мысли? Подумав, он немедленно нашел ответ: Победитель Айджел. Толстый человек с таким сравнительно странным заявлением и не менее странными вопросами к нему. Не волшебник ли он? Не дьявол ли он из «Фауста»? Нет, это чепуха. Но он что-то сделал. Возможно, он зародил сомнения, когда сопротивление Брайана было слабым. Брайан не понимал, на чем основаны его сомнения. Но он твердо понимал, что их причина кроется в Айджеле. Он нажал на кнопку выключателя коммутатора. На экране появилась дежурная сестра.

– Человек, который был здесь сегодня, – начал Брайан, – Победитель Айджел. Вы не знаете, где он сейчас находится? Я должен с ним связаться...

Почему-то сказанное нарушило ее профессиональное спокойствие. Она быстро начала извиняться, экран погас. Когда он засветился снова, ее место занял человек в мундире.

– Вы спрашивали о Победителе Айджеле. Мы задержали его в госпитале из-за бесчестного поступка – вторжения в вашу комнату.

– Я не собирался предъявлять ему обвинение! Не попросите ли вы

его заглянуть ко мне?

– Мне очень жалко, господин Победитель, но... доктор оставил специальное распоряжение, чтобы вы не...

– Доктор не имеет никакого права вмешиваться в мою личную жизнь.

Я не заразный больной, я вообще не больной, а только лишь сильно истощен. Я хочу его видеть.

Охранник вздохнул и ответил:

– Он сейчас будет у вас.

– Что вы со мной сделали? – воскликнул Брайан, когда они

остались наедине с Айджелом. – Надеюсь, вы не будете отрицать, что засунули мне в голову чужие мысли? Расскажите, как вам удалось сделать это? Я должен знать.

– Нет, не буду. Ибо в этом и заключается моя мысль – заложить в вашу голову «чужие» мысли.

– Но я должен обязательно это узнать!

– Хорошо, я расскажу вам, но вы должны узнать также и множество других вещей, прежде, чем решите покинуть Анвар. Вы должны не только услышать, но и поверить. Главное, ключ ко всему – это истинная сущность вещей жизни здесь, на Анваре. Как, по-вашему,

возникли «Двадцатые»?

– Я не думаю, я знаю это. Это есть в исторических записях.

Основателем игр был Джирольди, впервые соревнования состоялись в триста семьдесят восьмом году. С тех пор «Двадцатые» проводятся ежегодно. Сначала их проводили лишь на отдельных территориях, но вскоре они стали всепланетными.

– Верно, но вот ты описываешь, что произошло, а я спрашиваю, как были организована «Двадцатые»? Как, по-твоему, мог один-единственный человек превратить планету, населенную полубезумными охотниками и пьянчужками-фермерами в исправно действующую социальную машину, вся жизнь которой вращается вокруг «Двадцатых»? Неужели тебе никогда не приходило в голову, что это всего просто-напросто не могло быть?

– Но ведь это же было! Вы не можете отрицать этот факт! И нет ничего искусственного в «Двадцатых». Они – логический выход для жизни на планете, подобной нашей.

В ответ Айджел иронически хмыкнул:

– Ну что ж, это очень логично. Но часто ли логика имеет какое-нибудь отношение к деятельности социальных групп и правительства? Вы не задумывались над этим? Поставьте себя хоть на мгновение на место Джирольди, представьте себе, что вы

каким-то образом додумались до идеи «Двадцатых», и вам необходимо довести ее до сведения остальных и убедить их в своей правоте. Вы идете к ближайшему вшивому, раздраженному, полупьяному охотнику и все четко и ясно излагаете ему. Как

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)